

УДК 81'23 (=111+161.1) (024)

Прокофьева Л.П., Дурнова Н.А.
(Саратов, Россия)

МЕТОДИКА ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧИ

У статті на основі отриманих автором експериментальних даних пропонується методика аналізу мовної реалізації з точки зору фоносемантики. Розглядається можливість дослідження звуко-кольорової складової будь-якого тексту з наступною культурологічною, соціальною, психологічною, лінгвістичною інтерпретацією.

Ключові слова: фоносемантика, звуко-кольорова асоціативність, аналіз мовної реалізації.

В статье на основе полученных автором экспериментальных данных предлагается методика анализа речевого произведения с точки зрения фоносемантики. Рассматривается возможность исследования звуко-цветовой составляющей любого текста с последующей культурологической, социальной, психологической, лингвистической интерпретацией.

Ключевые слова: фоносемантика, звуко-цветовая ассоциативность, анализ речевого произведения.

In the article on the basis of author's experimental data the method of discursive analysis from the point of view of phonosemantics is proposed. The possibility of investigations of sound-color associations is examined with the cultural, social, psychology and linguistic interpretation.

Key words: phonosemantics, sound-color association, discursive analysis.

Магію і силу слова люди осознали давно: все ми інтуїтивно чуствуем, що словом можна спасти, а можна і знищити, що слово лечит і допомагає орієнтуватися в мирі. Явлення це отримало назву сугестії, і хоча традиційно його відносили к областям релігії, магії, психології і медицини, наукове дослідження феномена почалося порівняльно недавно. В роботах останніх років висказується правомірне припущення, що сугестивні тексти генетически близькі іменно стихотворному мисленню, отсюда орієнтація сугестивної лінгвістики в першу череду на ідеї і методи фоносемантики, котра «занимається тим, що в традиційних термінах називається зв'язью між звуком і значенням» [1]. Но если тексти спеціальної сугестивної направленности – это всегда *звучащие* речевые произведения, то правомірно припустити, що *любой* звучачий текст має властивостями впливу не тільки на свідоме, но на підсвідоме і навіть несвідоме рівнях, хоча, безсумнівно, в різній ступені. Строгіе наукові дослідження почалися, к сожалению, позже

© Прокофьева Л.П., Дурнова Н.А., 2011

практического (неконтролируемого и, соответственно, с неизвестными результатами) использования элементов суггестии в речи, поэтому за фоносемантикой в околонаучных и более широких кругах интернет-пользователей закрепилось, совершенно незаслуженно, негативное мнение. Многочисленные семинары по нейролингвистическому программированию (НЛП) предлагают за короткое время воздействовать на аудиторию только силой *правильно построенной речи*. Целью данной статьи не является вступление в дискуссию, что такое «правильная речь» с точки зрения фоносемантики, тем более мы не можем пока дать оценку последствий такого бесконтрольного вмешательства в подсознательное и бессознательное, но можно уже констатировать, что лакуна начала заполняться, все чаще стали появляться совместные исследования теоретиков и практиков, лингвистов и психофизиологов, биологов и культурологов.

В настоящее время в разных языках активно продолжается изучение одной из подсистем фоносемантики - ономатопеи (звукоподражательной подсистемы), так как подобные «слова» (морфемы, звукокомплексы) существуют в любом языке. Что касается русского, то обширного, устойчивого его описания с данной точки зрения, удовлетворяющего всем параметрам классификации, разработанной С.В.Вороныным, еще не создано, но существуют более или менее успешные попытки (Карпунин, 1979; Казарин, 2000; Шляхова, 2003). Основу же звуко-символической подсистемы составляют такие слова, в которых происходит передача «речевым звуком образа, ощущения, движения, впечатления обозначаемого предмета» [2: 55], поэтому их исследование невозможно без четкого понимания объекта изучения и его природы.

Исследование звучащей речи в современной лингвистике имеет давнюю традицию и проводится с использованием разнообразной аппаратуры и компьютерных программ разного уровня. Принципиально возможно построение модели компьютерного анализа речи с точки зрения современной фоносемантики на базе экспериментальных данных по звуко-цветовой ассоциативности (ЗЦА) в русском языке. Полученная в ходе наших экспериментов ассоциативная звуко-цветовая картина в значительной мере соотносится с данными по цветовой ассоциативности графонов, описанной как в исследованиях А.П.Журавлева, Г.Н.Ивановой-Лукьяновой, в наших ранних работах [3; 4; 5], но отмечаются и некоторые расхождения (Таблица).

Таблица

Сравнительные данные по ЗЦА графонов и звуков русского языка

Графон	Цвет	Звук	Цвет
А Я	красный красный	[Λ] [a]	красный (синий) красный
Б	белый	[б] [б']	Белый синий
В	синий	[в] [в']	синий синий
Г	синий, коричневый	[г] [г']	синий черно-белый

Д	черный	[д] [д']	черно-коричневый красно-желтый
Е	зеленый	[э] [ь]	красно-желтый белый
Ё	зеленый	[о]	бело-желтый белый
О	желтый, белый	[ь] [А]	синий красный (синий)
Ж	желтый	[ж]	желтый
З	зеленый	[з] [з']	зеленый зеленый
И	синий	[и]	синий
Й	синий, белый	[й] [и неслоговое]	синий сине-белый
К	красный	[к] [к']	красно-коричневый красно-черный
Л	красный, синий, желтый	[л] [л']	синий синий
М	красный	[м] [м']	красно-синий сине-красный
Н	синий	[н] [н']	синий синий
П	черный	[п] [п']	черно-белый черно-белый
Р	красный	[р] [р']	красный красный
С	синий	[с] [с']	сине-желтый сине-желтый
Т	черный	[т] [т']	черно-белый сине-белый
У Ю	синий, зеленый красный	[у]	синий
Ф	фиолетовый, красный, синий	[ф] [ф']	сине-красный сине-красный
Х	черный	[х] [х']	черный черный
Ц	желтый	[ц]	желтый

Ч	черный	[ч]	черный
Ш	черный	[ш]	черный
Щ	черный, белый	[ш']	желто-красный
Ы	черный, коричневый	[ы]	черный

Уже первый взгляд на полученные результаты позволяет заметить большое количество совпадений в оценке графонов и звуков. Полное совпадение обнаружено в 48,3%, частичное - еще в 35,4%. Существенные различия отсутствуют. Этот факт может свидетельствовать о том, что нет резкой границы между цветовым восприятием звуков и графонов для носителя русского языка, поэтому и постоянный спор о единице исследования перестает быть актуальным. Эту мысль подтверждают и статистические законы: в наших экспериментах наблюдается прямая зависимость между количеством информантов и совпадениями в оценках - увеличение первого параметра вызывает рост второго. Другая интересная закономерность обнаруживается при сравнении оценок твердых и мягких согласных. За исключением [д] и [д'], [б] и [б'], [г] и [г'] твердые и мягкие звуки в оценках информантов совпадают полностью или частично. Обратим внимание, что цветовая гамма мягких вариантов несколько «мягче», «приглушеннее» твердых. Ср.: [т] - черно-белый, [т'] - сине-белый. На эту особенность восприятия прямо указывали в анкетах многие информанты. Таким образом, обнаружили вариации в системе ЗЦА на уровне фонетики.

Для проверки гипотезы о способах отражении ЗЦА в речи и тексте, появилась необходимость выработать методики такого анализа. Согласно статистике в процессе создания любого речевого произведения время от времени возникают случайные звукоповторы, но средние частотности - величины случайные, колеблющиеся в некоторых пределах вследствие ограниченности набора фонем, дифференциальных черт и конечности допускаемых языком сочетаний, причем в этом случае они, скорее всего, лишены смысла и функций. Другое дело, если текст создается с сознательной (подсознательной) установкой на звукопись, в этом случае такие повторы либо отсекаются автором, либо включаются в структуру наравне с другими.

А.С. Штерн была разработана строгая методика обнаружения связи между коннотативным значением текста и его суммарным фонетическим значением, основанная на оценке отклонения частот звуков от их обычных речевых частот [6]. Аналогичным способом звуковой символизм в художественной речи исследовали многие другие (О.Д. Кулешова, 1984; Н.М. Камбаров, 1990, Н.П. Пинежанинова, 1992; И.Ю. Павловская, 2001). Вторая методика была предложена А.П. Журавлевым (1974). Она заключается в автоматическом вычислении суммарного фонетического значения всех звукобукв (графонов) текста, в результате чего компьютер выдает набор признаков, характеризующих содержательную сторону звуковой формы стихотворного текста. Подобная методика на материале немецкой поэзии и ее переводов применялась А.Ф. Петрухиным (1978), русской - Л.В. Зубовой (1990), Е.Г. Сомовой (1991).

В неподготовленной речи звуки встречаются с определенной частотностью, и носитель языка интуитивно заранее «ожидает» встретить каждый звук некоторое число раз.

Конечно, это «ожидание» не воспринимается сознанием, пока доля каких-либо звуков в речи находится в пределах нормы. Заметное же отклонение резко повышает их информативность, символика звуков проявляется в сознании (подсознании), окрашивая фонетическое значение всего текста. «Скопление фонем определенного класса (с частотой, превышающей их среднюю частоту) или контрастирующее столкновение фонем антитематических классов в звуковой ткани строки, строфы, целого стихотворения выступает, если воспользоваться образным выражением Э.По, как «подводное течение, параллельное значению» [7:224]. Эти слова Р. Якобсона касаются звуков в поэзии, но равно справедливы они и для любой речи. Безусловно, значимость звукописи в художественном тексте возрастает многократно по сравнению с обычной речью.

Логичным в этой связи выглядит предположение, что звуко-цветовая ассоциативность, присутствуя в сознании каждого носителя национального языка, при нормальных частотностях в речи существует в латентном состоянии, тогда как в случае намеренного (или ненамеренного) изменения частотности может активизироваться и переходить с уровня бессознательного на подсознательный, образуя своеобразный эмоциональный «шлейф», связанный в том числе и с неосознаваемыми ассоциациями цвета речи. Вероятно, усиление воздействия звуков может проходить как в пределах одного речевого высказывания, например, в кульминационных его моментах, когда автор сознательно или подсознательно использует суггестивные возможности фонетики, так и в речевых произведениях разного типа. Таким образом, этот потенциально двухфазовый процесс может включать либо один, либо два этапа декодирования звуко-цветовой информации, и схематически может выглядеть так (см. Рисунок):

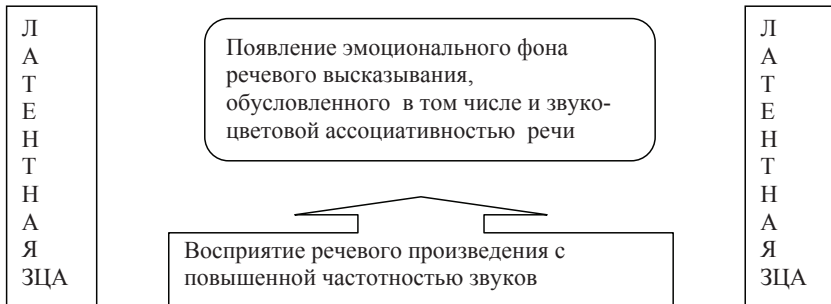

Рис. Процесс декодирования звуко-цветовой информации в речи

Для проверки этой гипотезы была написана специальная компьютерная программа ZVUK, которая позволила анализировать речевое произведение небольшого объема с точки зрения его звуко-цветовой ассоциативности (программист – А.В. Демидов). Алгоритм ее действия таков:

1. Вводится текст, причем чтобы предусмотреть возможность фиксации индивидуального или текстового своеобразия, ударение проставляется вручную.

2. Программа автоматически производит универсальное транскрибирование текста на основе методик, выработанных Московской фонетической школой.

3. Из банка заложенных данных программа использует сведения о цветовой наполненности всех звуков русского языка; статистику по средней встречаемости звуков в речи (данные Ленинградской лаборатории экспериментальной фонетики); формулы определения допустимых незначимых среднеквадратичных отклонений и поправочные коэффициенты для ударных и начальных звуков (усиление в 2 раза), полученные нами опытным путем [8]. В исследованиях Р.Г. Пиотровского находим обоснование константы для первого элемента слова, подтвержденные экспериментальными измерениями информативности букв русского языка. Исследователь доказал, что энтропия первой буквы в слове в несколько раз выше, чем всех остальных [9: 82].

Вводные установки программы: длина строки в тексте не должна превышать 80 символов; строка не должна состоять более чем из 20 слов; перед словом должно стоять ударение. Если его нет, то слово присоединяется к предыдущему в данной строке (ударением является цифра, указывающая на номер ударной гласной в слове, считая от начала); первое слово строки обязательно должно содержать номер ударной гласной; пустая строка является строкой с нулевым количеством символов; идущих подряд пустых строк должно быть не больше 3; буква ё в тексте заменяется на символ *.

С помощью данной программы было произведено исследование корпуса речевых произведений разных типов, жанров, форм: 1-2-минутных записей устной монологической речи лекторов, заговоров, молитв, мантр, глоссолалий, поэтических и прозаических произведений малых форм, инсценированных актерами и записанных на аудиокассеты для прослушивания. Главной целью было проследить, может ли в звучащем тексте с установкой на аудиальное восприятие реализоваться потенциальная возможность звуко-цветового ассоциирования и в каких типах речевых произведений она может проявиться максимально ярко. В процессе работы программа выдает дополнительную информацию о максимальной текстовой частотности звука в сравнении со средней, о степени информативности максимально частотных звуков в каждой единице анализа (строке, строфе в стихотворении; предложении, абзаце в прозаическом тексте; а также комплексную информацию обо всем тексте и всех его звуках), таким образом исследователь получает почти исчерпывающую информацию о звуковой стороне анализируемого речевого произведения.

Результаты анализа подтвердили гипотезу о возможности фиксации звуко-цветовой информации в потоке речи, но не выявили значимых способов ее репрезентации, так как 95% речевых произведений получили нейтральную *бело-синюю* оценку. В оставшиеся 5% вошли тексты с намеренными звуковыми повторами, превышающими средние цифры в 10-15 раз. Особо значимые данные были получены в результате исследования факта проявления ярких ЗЦА в детских стихах [10]. На основе анализа различных речевых произведений сделаны два существенных вывода:

1. Звуковая сторона текста в потоке речи находится по большей мере в неосознаваемом состоянии, соответственно, ЗЦА не «всплывает в светлое поле сознания» и не оказывает существенного эмоционального воздействия на реципиента. Особую группу представляют специальные суггестивные тексты, значимость звука в которых существенно превышает даже семантическую составляющую. Так, православная молитва,

буддийские мантры демонстрируют повышение информативности используемых звуков и передают заложенное на уровне ЗЦА значение. Так, в мантрах семантическая составляющая символизируется и осознается только в случае владения всей полнотой информации вероучения: «ОМ представляет Путь Универсальности, МАНИ – Путь Единства и Самостоятельства всех существ, ПАДМЕ(А) – Путь Раскрывающегося Видения и ХУМ – Путь Интеграции» [11], в глоссолалиях в принципе не осознается, в православной молитве максимально подчеркивается. Но, тем не менее, даже в таких текстах общая оценка обычно однозначно *синяя*. При этом возможная интерпретация эмоциональной составляющей синего цвета вполне согласуется с установками и задачами суггестивного текста (*спокойствие и умиротворенность, расслабление, погружение в медитацию*). Интересно, что именно синий цвет является одним из ведущих и в буддистской традиции (ср. основной фон картин Н. и С. Рерихов), и в русской (цвет Богоматери, покровительницы русской церкви, отраженный, например, на картинах В. Васнецова, К. Васильева и мн.др.):

Существенное исключение составляет анализ различных глоссолалий, примеры которых находим в словаре русских фоносемантических аномалий С.С. Шляховой (2004) и ее докторской диссертации «Фоносемантические маргиналии русской речи» (2006). Исследование любой из них дает постоянную картину *красного* цвета вне зависимости от того, анализируются ли камлания шаманов, глоссолалии хлыстовцев или харизматов-пятидесятников. Если соотнести цвет с его эмоциональным наполнением (*энергия, напор, воздействие*), то становится очевидным, что задачи суггестии выполняются именно на фоносемантическом уровне, тем более что лексический уровень по умолчанию затемнен, а часто и вообще асемантичен.

2. Исследование речевых произведений на основе цветовой ассоциативности звуков русского языка не дает возможность обнаружить различия типов, видов, жанров текста, т.к. в потоке речи фонетическое значение гласных звуков во многом нивелируется за счет редуцированных, оцениваемых как *бело-синие*, тогда как информативность звуковых повторов, организуемых согласными, падает в ходе действия фонетических законов редукации и ассимиляции. В результате цветовая составляющая речи остается скрытой и не воспринимается реципиентом. Написанный же текст, изначально задействуя кроме аудиальной визуальную составляющую, может активизировать ЗЦА, воздействуя на реципиента одновременно по нескольким каналам восприятия [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Л.:Издво ЛГУ, 1982. – 244с.
2. Шляхова С.С. Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику: Учебное пособие. – Пермь: Перм.гос. пед. ун-т, 2003. – 216с.
3. Журавлев А.П. Фонетическое значение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 160с.
4. Иванова-Лукьянова Г.Н. О восприятии звуков.// Развитие фонетики современного русского языка. – М., 1966. – С.143-149.
5. Прокофьева Л.П. Цветовой фон поэтического текста (К проблеме выделения единиц, носителей звуко-символического смысла // Исследования по художественному тексту. Ч.1. – Саратов: СГПИ, 1994. – С.62-65.

6. Штерн А.С. Объективные критерии выявления эффекта «звуковой символизм»// Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Л., 1969. – С.69-73.

7. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика.// Структурализм: “за” и “против”. – М.: «Прогресс», 1975.

8. Прокофьева Л.П. Понятие позиции звукобуквы в аспекте звуко-цветовой ассоциативности // Семантика языковых единиц. – М.: МГОПУ, 1998. – С. 331-333.

9. Пиотровский Р.Г. Информационные измерения языка. – Л.: Наука, 1968. – 116с.

10. Прокофьева Л.П., Определеннова О.В. Детский текст в контексте советской словесной культуры (лексический и фоносемантический аспекты) // Мова І культура. (Науковий журнал). – Киев: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009. – Вип.12. – Т.ІХ (134). – С.58-64.

11. Говинда Лама Анагарика Основы тибетского мистицизма согласно эзотерическому учению великой мантры ом мани падме хум. – СПб.: Издательство «Андреев и сыновья», 1993.

12. Жданова Е.С., Прокофьева Л.П. Суггестия «сгущенного» смысла (фоносемантическая интерпретация «Заключения смехом» В. Хлебникова). // Творчество Велимира Хлебникова в контексте мировой культуры XX века: VIII Международные Хлебниковские чтения. 18 - 20 сентября 2003 г.: Научные доклады и сообщения: В 2 ч. / Сост. Н.В. Максимова. – Астрахань: Изд-во АГУ, 2003. –Часть 1. – 227 с. – С. 154 - 159.

УДК 811.111.43

Трусов С.С.
(Київ, Україна)

СОЦІОЛІНГВІСТИЧНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОМОВНОГО ДИСКУРСУ РАДИ ООН З ПРАВ ЛЮДИНИ

Стаття присвячена розгляду деяких питань, пов'язаних з соціолінгвістичною природою інституційного дискурсу як такого і, зокрема, дискурсу Ради ООН з прав людини. Даний дискурс розглядається в якості складно організованої статусно-рольової комунікації, спрямованої на вплив на її учасників з метою забезпечення захисту прав і свобод людини.

Ключові слова: дискурс, тип дискурсу, підвид дискурсу, дискурс Ради ООН з прав людини, лінгвальні та соціальні функції дискурсу в області прав людини.

Статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов, связанных с социолингвистической природой институционального дискурса как такового и, в частности, дискурса Совета ООН по правам человека. Данный дискурс рассматривается в качестве сложной организованной статусно-ролевой коммуникации, направленной на воздействие на ее участников с целью обеспечения защиты прав и свобод человека.

Ключевые слова: дискурс, тип дискурса, подвид дискурса, дискурс Совета ООН по правам человека, лингвальные и социальные функции дискурса в области прав человека.

© Трусов С.С., 2011